

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОШЕДШЕЕ.

1-й КАДЕТСКИЙ КОРПУСЪ ВОЛЫНЬ И ДАЛЬНѢЙ-
ШІЯ СНОШЕНІЯ МОИ СЪ МИЛОРАДОВИЧЕМЪ.

(Отрывокъ 3-й).

Ничто, имѣющее значительную вѣскость, не всплываетъ само собою на поверхность моря. Надобно нырнуть, часто на самое дно, чтобъ достать и вынести, что нибудь изъ глубины. Такъ и дѣлалъ и стану дѣлать, можетъ быть довольно часто, погружаясь въ глубину прошедшаго, чтобъ выносить оттуда давно-забытое. Нескучайте моимъ ныряніемъ, даже и тогда если это покажется *отступленіемъ* отъ разсказа, или *повтореніемъ* уже разсказаннаго. — Послѣ такого приступа обращаюсь къ повѣствованію о *прежней кадетской жизни*. — Я засталъ 1-й Кадетскій корпусъ уже въ его *серебряномъ вѣкѣ*. Золотымъ его вѣкомъ—было время *Ангальта*. Это было тоже, что для народовъ, времена *Героическія, дограматныя*. Множество изустныхъ преданій—хранилось у кадетъ о *прекрасномъ быломъ*. Все народонаселеніе корпуса, современное Ангальту, жило тогда какою-то удвоенною, высоконинтеческою жизнью. Тогда *стѣны го-*

ворили, книги сами собою росли и разгибались на столахъ. Воспитанники учились гуляючи. Тогда много было дружбы и вѣрности, много Героическихъ добродѣтелей въ сердцахъ молодыхъ питомцевъ, которые привычно и плавно объяснялись съ каеэдрахъ; славно бились на рапирахъ; красивыми ѣздоками рисовались въ манежѣ; брали призы въ гимнастическихъ играхъ—въ *Жёдепомп* (зданіи нарочно для того выстроенномъ); искусно плавали въ *пространныхъ купальняхъ*, были дивные борцы, бойцы, волтижеры и мастерски танцовали на домашнихъ балахъ, съ питомицами *Смольнаго монастыря*. — Тогда *каменная стѣна*, довольно высокая, ограждавшая садъ 1-го кадетскаго корпуса, въ круговомъ пространствѣ пятисотъ сажень, заключала, въ волшебномъ кольцѣ своемъ, *цѣлый міръ* съ его исторіею. Въ одномъ мѣстѣ *гуляющій* встрѣчалъ *Пирамиды Египетскія*; въ другомъ останавливала его бесѣда Греческихъ мудрецовъ. Далѣе; *Фридрихъ—Великій* читалъ стихи изъ своей науки *побѣждать*. — По какомуто тайному зазыву, всѣ мудрецы, всѣ философы собрались въ этотъ уголокъ Петербурга и юноша съ чуткимъ, настроеннымъ воображеніемъ, въ позднихъ сумеркахъ лѣтняго вечера, легко могъ подумать, что видитъ наяву и *жрецовъ* въ ихъ символическихъ одеждахъ выходящихъ изъ отверстій *Пирамидъ*, и крылатыхъ *сфинксовъ* стерегущихъ эти отверстія, и *философовъ* погруженныхъ въ чтеніе огромныхъ развернутыхъ книгъ, или далеко разсученныхъ свитковъ, и *Курціи* бросающагося въ бездну, и *крокодиловъ* Нила и теплое небо *Индіи* съ ея *пагодами* и свѣтлоперыми павлинами и *Востокъ* съ его *пальмами* и священными *развалинами*. И все это небыло лишено дара слова... Мудрецы и философы говорили о добродѣтели; *Тацитъ* и *Ливій* рассказывали исторію вѣковъ; ити-

цы и животныя— исторію своихъ породъ , переселеній и нравовъ. Все говорило, поучало, заманивало... Я показалъ вамъ, мимоходомъ, *прежній бытъ корпуса* сквозь *призму поэзіи*, посмотримъ теперь на него простыми глазами *прозы*. — Графъ *Ангальтъ* былъ дѣйствительно какимъ-то существомъ, какъ будто нарочно созданнымъ для воспитанія ючщества. Онъ сдѣлалъ изъ корпуса *свое семейство*. » Mes enfans! mes chers enfans! (дѣти! любезныя мои дѣти!)» кричалъ онъ обыкновенно входя въ ворота корпуса и кадеты, какъ макъ разсыпанные по саду, сбѣгались на этотъ крикъ любви и сердечнаго привѣтствія. — По приказанію Ангальта, *корпусная стѣна* вся (и очень искусно!) росписана *изображеніями* лицъ , странъ , видовъ , животныхъ , птицъ и щедро усыяна изрѣченіями нравственными, выемками изъ исторіи, отрывками краснорѣчія, баснями, куплетами, пословицами. — Эта стѣна, опровергая поговорку: » Глупъ какъ стѣна!» называлась *говорящею* (*La muraille parlante*) и говорила очень умно и дѣльно. *Рекреаціонныя* (для отдохновенія) *залы* уставлены были столами, столы покрыты книгами, которыхъ *переплеты* пригвождены къ доскѣ, а страницы преданы на вольное чтеніе. *Наука*, какъ нѣкая стихія, со всѣхъ сторонъ окружала воспитанника. Онъ плавалъ въ ученіи и самъ того незамѣчая. — Настало *другое* время, явились *другіе* обычаи. — Начальство корпусное, сообразя расходы съ доходами, сочло *излишнимъ* удерживать живопись на стѣнѣ, книги на столахъ, бюсты въ залахъ... и тому подобное.

Болтливую стѣну забѣлили мѣломъ, залы опростали отъ столовъ и пульпетовъ. Только кое-гдѣ мелькали еще на потолкѣ въ дальнихъ углахъ: то забытая *фигура* изъ начертательной Геометріи, то какое нибудь *аллегорическое* изображеніе съ над-

писью, на примѣръ: Пирамида отвѣсно поставленная и подъ нею слова: «держусь *одною* прямой!» Или зеркало съ девизомъ: «Я говорю всегда *правду!*» — Въ такомъ положеніи засталъ я обломки *прежняго* быта корпуса. Я засталъ еще, въ залахъ, нѣсколько мраморныхъ бюстовъ. Но эти Сократы, Платоны и Кесари жалко взглядывали съ отломленными носами, безъ ушей. И самые люди, населявшіе длинныя камеры корпуса, были уже *другіе*. Много хранилось разсказовъ о силѣ и ростѣ *прежнихъ* кадетъ. Ихъ считали какими-то допотопными исполинами. Въ моё время кадетство кромѣ 5-й (старшей) роты, было все мѣлкое. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: потому, что *прежніе* кадеты оставались въ корпусѣ по пятнадцати и до 20-ти лѣтъ, а мои современники входили и выходили въ теченіи *пяти-лѣтій*, иногда и скорѣе. Я самъ, какъ ужё сказалъ выше, былъ въ корпусѣ только $3\frac{1}{2}$ года.

Случалось, что *косой дождикъ* отмывалъ кое-что на *забѣленной* стѣнѣ и тогда кадеты толпою кидались прочесть какое нибудь *правственное изрѣченіе*, посмотрѣть на бороду (если лицо оставалось еще подъ *забѣломъ*) какого нибудь философа, подивится головѣ единорога. Молодежь корпусная усердно помогала воспроизводительному дождю. Губками и всѣмъ что попадалось подъ руку кадеты стирали накладку мѣла, какъ *слой новѣйшаго* произведенія, для открытія изображеній *древности*. Но *эти открытія* ненадолго потѣшали изыскателей своихъ. На другой-же день, рано утромъ, канонеры (такъ называли корпусныхъ служителей) носили въ шайкѣ взболтанный мѣлъ и, съ равнодушіемъ неумолимой судьбы, мочальною кистью, замазывали все что имѣло неосторожность выказаться и стать въ противурѣчіи съ *бытомъ времени*

Ученіе, однакоже, шло своимъ порядкомъ. При мнѣ были еще *Фусъ* (составитель Геом: курса извѣстнаго подъ его именемъ) и *Крафтъ* преподававшій нѣкогда уроки физики покойному Государю Александру Павловичу. При мнѣ еще были *Черкасовы*, математикъ *Денисовъ* и другіе достойные преподаватели. *Желъзниковъ* (переводчикъ Телемака) училъ Русской словесности въ высшихъ классахъ.

Ангальтову систему воспитанія порицали и не безъ основанія. Метода Ангальта превращала корпусъ въ какую-то нравственную оранжерею. Отдѣленные своею стѣною отъ міра гражданскаго, питомцы науки и теоріи оставались, за этою стѣною, безвыходно около *двухъ десятилѣтій*. Живя жизнью анахоретовъ, внѣ всякаго сообщенія съ дѣятельностію, страстями и нравами *внѣшняго міра*, — кадеты составляли свой особенный міръ. У нихъ были свои повѣрья, преданія, свой собственный, можетъ быть, слишкомъ утопическій взглядъ на жизнь и общество.

Эти молодые растенія слишкомъ разнѣживались въ ихъ *искусственномъ* климатѣ и становились мало способными къ перенесенію стужи *внѣшняго* быта общества, въ которое должны же были, на конецъ, вступить послѣ долговременнаго затворничества. Имъ показывали человека съ его *свѣтлой стороны*. По влеченію юношескаго сердца, охотно шли они по пути *познанія добра* и во все не глубоки были въ печальной наукѣ добытой изъ *древа познанія зла*.

Такая *односторонность* придавала много *особенности* даже странности, выпускнымъ кадетамъ, пока они *освоивались* съ обычаями современнаго

общества. По этой причинѣ, вынося изъ своего уединенія избытокъ *чувствительности*, доброты, часто простодушной до забавнаго, и романическую наклонность къ мечтамъ, они, несмотря на всю роскошь своего воспитанія, долго не могли сдѣлаться *дѣловыми, годными* работниками въ огромной *рабочей* камерѣ общественнаго быта. Это было серебро въ которомъ не доставало *лигатуры* и потому, (отъ избытка чистоты и нѣжности), его нельзя было пускать въ *дѣло*: оно невынесло-бы молота *испытаній!*—Растеніе, воспоенное *теорією*, взлѣлянное въ ласковомъ, *ананасномъ* климатѣ, на мягкомъ *пуху нравственныхъ* парниковъ, могло ли перенести жестокую почву и стужу, часто суровую, *дѣйствительной жизни?*—Нѣкогда вѣрили *стеченію звѣздъ*, теперь вѣрятъ *стеченію обстоятельствъ*: трудно устоять противу ихъ *неприязненного* вліянія!—Подъ проливнымъ дождемъ уничтоженія и *Геній* съ обмоченными крыльями, уныло ходитъ по землѣ!... Не смотря на все это корпусъ (1-й кадетскій) подарилъ отечеству много полезныхъ людей, хогя многіе также, неблагоприятствуемые случаями и обстоятельствами, затерялись на путяхъ жизни и погасли въ уединенныхъ приютахъ сельскихъ, оставаясь, и до позднихъ дней, въ *противорѣчій*, болѣе или менѣе рѣзкомъ, съ людьми имъ *современными*.—Въ этомъ винили долгое пребываніе кадетъ за ихъ магическою стѣною.

Но я увлекся,—и слишкомъ далеко,—какимъ—то неодолимымъ порывомъ, заговорясь о корпусѣ; извините! Эпоха молодости есть время, о которомъ такъ долго помнится и такъ охотно говорится!... Теперь перехожу къ описанію обстоятельства имѣвшего очень важное вліяніе,—вліяніе, можетъ быть, на *всю жизнь*, — на многихъ

сверстниковъ моихъ, на меня самого и на мои сношенія съ Милорадовичемъ. Я задержу васъ еще нѣсколько въ стѣнахъ корпуса и потомъ перейдемъ опять въ Польшу.

По случаю бывшаго выпуска, нѣсколько кадетъ, въ числѣ которыхъ и я, *безъ очереди*, перешли въ *1-й верхній классъ*.—Это была послѣдняя и самая высшая ступень нашей учебной лѣстницы. — Изъ оконъ комнаты (*гдѣ помѣщался 1-й классъ*) посматривали мы, съ любопытствомъ и какимъ то нетерпѣніемъ на Божій свѣтъ, какъ молодыя ласточки изъ своего гнѣзда, готовясь пуститься на свободу. Наука мало шла на умъ. Притомъ же курсы наши были уже окончены для насъ. Учителя, для соблюденія порядка, *повторяли* — знакомое, *прошлогоднее*.—Но явился одинъ человекъ, который, могуществомъ слова, оковалъ самыя летучія мечты, уступенилъ неугомонныя воображенія и привлекъ все вниманіе готовившихся къ выпуску. — Въ одно утро—это было въ *субботу* — вошелъ къ намъ *нѣкто* величественнаго роста, чрезвычайнаго— замѣчательной наружности, въ камлавкѣ Архимандрита, съ золотымъ крестомъ на груди. Черная одежда возвышала—если она могла быть возвышена—близну умнаго, благообразнаго лица, отънесеннаго струями темнокаштановыхъ волосъ и бородою того же цвѣта. Тихо сіяли каріе глаза почитателя. Много было величественнаго въ осанкѣ, много гармоніи въ чертахъ спокойныхъ, къ которымъ, кажется, никогда не прикасались пламенные ураганы страстей. Кадеты встали при входѣ почтеннаго незнакомца—и это сдѣлалось безъ всякаго предварительнаго приуготовленія. — Послѣ первой минуты молчанія, каждый шепнулъ на ухо товарищу: *«Кто онъ?»* — Пошли догадки. Но какъ это были часы назначенные для закона *Божіа*,

то и рѣшили, что это долженъ быть *новый Катилизаторъ*. Подтвердивъ догадку нашу, посяти-тель сталъ на средину и, съ благолѣпіемъ, ему привычнымъ, произнесъ молитву краткую, но сильную и благословилъ, осяненіемъ рукъ, невольно-склонившіяся головы слушателей. Ставъ, потомъ, у кафедры въ какомъ-то живописно-задумчивомъ положеніи, онъ долго смотрѣлъ на кадетъ глазами испытующими и, наконецъ, спросилъ: «Изъ *этого* класса кудаже переходятъ Гг. Кадеты?» Этотъ классъ *последній!* изъ него выходятъ всемъ изъ корпуса. Мы пойдемъ въ службу, въ полки. . . » Отозвалось много голосовъ. «Мы пойдемъ въ *свѣтъ* . . къ людямъ.» говорили другіе. «А знаете-ли вы, что такое *свѣтъ*, что такое люди?!» — И съ *этого* вопроса началъ онъ говорить. Ровный, приятный голосъ достигъ во всѣ концы довольно пространной комнаты; прекрасные, гармоническіе періоды лились изъ устъ оратора. Высоко-просвѣщенный мужъ, онъ черпалъ свои доводы изъ природы, опыта и наукъ, чтобъ говорить объ одной — и, можетъ быть важнѣйшей, о *наукъ жизни*. — Его слушали, слушали и заслушались. — Давно прозвонилъ колокольчикъ; въ галлерей пронесся рокоть барабана, возвѣщающаго окончаніе класса. Никто не вставалъ съ мѣста. Вошелъ офицеръ, чтобъ вызвать кадетъ, остановился и слушалъ. .

Это было первое *поученіе* Михаила—извѣстнаго, въ послѣдствіи, на высшей чредѣ Іерархіи церковной въ достоинствѣ Митрополита Новгородскаго и С Петербургскаго.

Скоро разнесся слухъ по всему корпусу, что въ I классѣ явился мужъ дивный, необыкновеннаго краснорѣчія. Не много нужно было, чтобъ

зажечь сердца любопытствомъ. Ученики другихъ отдѣленій ударились въ выдумки *какъ бы услышать Михаила!* — Лавки въ I верхнемъ классѣ расположены были амфитеатромъ: заднія, стоя несравненно выше переднихъ, задерживали подъ собою довольно *пустаго* пространства. Но молодые шалуны нелюбили оставлять мѣста *порожнимъ*: изъ разныхъ классовъ собирались туда *абреки* (отчаянные) проводить учебное время — для многихъ скучное — въ занятіяхъ менѣе утомительныхъ. Не смотря на всю бдительность дежурныхъ Офицеровъ, собраніе продолжало свои *подстольныя* засѣданія: потому, что мѣсто, съ тылу защищенное стѣною, а съ переди закрытое ногами сидѣвшихъ на лавкахъ, — было очень уединенно. — Изъ этаго угла, свободно помѣщавшаго въ себѣ дюжину *постороннихъ*, выходили иногда какіе-то странные, перерывчатые звуки, неясные, таинственные голоса... Учитель, важный, строгій, грозно поводилъ глазами по всему пространству, видѣлъ, что *вст* сидѣли на своихъ мѣстахъ и оставался при мнѣніи, что ему такъ *почудилось*... Любители *ничего-недѣланія* кружили, между тѣмъ юлу, играли въ кости или дремали подъ единообразными возгласами преподавателя какаго нибудь скучнаго предмета. Теперь эти убѣжища, получивъ назначеніе болѣе благородное, стали менѣе доступными. Кадеты *другихъ классовъ* платили свой утренній завтракъ *пшеничную булку* за право слушать Михаила *подъ Лавкою или за печью*: потому, что и тамъ нашлось мѣсто для *двоихъ*. Михаилъ продолжалъ говорить; *видимые и невидимые* слушатели его продолжали слушать, и поучаться. Сѣмена, какъ видно, пришли *по землѣ* и скоро дали ростокъ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ поведеніе многихъ кадетъ стало принимать совсемъ особый характеръ. Назначенные къ вы-

пуску, какъ ласточки готовящіяся въ отлѣгъ, собирались часто въ одномъ мѣстѣ сада. Тамъ говорили о *будущемъ* уже не съ прежнимъ легкомысліемъ дѣтей желающихъ только вырваться на свою волю. Съ важностію разсуждали о *назначеніи чело­вѣка* и при этомъ невольно повторяли многія изрѣченія достойнаго учителя, который умѣлъ придать высокой интересъ обыкновеннымъ лекціямъ катехизатора. Тутъ-то, въ этихъ бесѣдахъ о жизни и *обязанностяхъ* чело­вѣка, между многими добрыми *предположеніями*, насчетъ будущаго своего поведенія въ свѣтѣ, сдѣлано обѣщаніе: «*нехривить никогда душою: говорить всегда правду.*» — Съ этимъ обѣтомъ, тогда еще свѣжимъ въ памяти, сошелся я съ Милорадовичемъ.

Разгульное было тогда время!... Золотая старина развивается передо мною какъ свитокъ испи­санный радужными чернилами... Одинъ, только Наполеонъ мутилъ воду въ Европѣ. Но люди жили какъ-то дружиѣ подъ грозою этаго пугалища. Народы жались другъ къ другу какъ птицы надъ которыми кружится ястребъ. — Поляки барство­вали въ обломкахъ своихъ дѣдовскихъ замковъ, разводили большіе сады и, по коренному Славян­скому свойству, хлѣбосольничали на славу. На этихъ домашнихъ пирахъ и погулянкахъ весели­лись и пили, какъ говорилъ одинъ извѣстный того времени балагуръ: иные — съ *воздержаніемъ*, другіе съ *расположеніемъ*, то есть: одни возвращались домой *придерживаясь* за стѣнку, другіе *располага­лись* на самомъ мѣстѣ бокальнаго сраженія. Раза по два въ недѣлю наши офицеры танцовали до упаду въ *редутъ* — такъ назывался домъ собранія

въ городѣ, — всегда при полковой музыкѣ, изрѣдка при восковыхъ свѣчахъ, въ комнатахъ прибранныхъ очень запросто. — Тогда было у всѣхъ какъ-то болѣе способности жить. Ларчикъ отпирался проще. По жизни скользили какъ по льду не зная, что таилось подъ нимъ! — На быть общественный — условленный вѣками, привычкою, безмолвнымъ согласіемъ, — смотрѣли какъ на старую медаль только съ одной стороны; никому незападало въ голову посмотреть, что на оборотъ!?. Къ людямъ заходили съ параднаго крыльца: о нихъ судили по ихъ приемнымъ комнатамъ. Никого не подстрѣкала охота заглядывать въ дальніе чуланы и подъ лѣстницы гдѣ собираютъ всякій хламъ, или рыться на заднихъ дворахъ, куда сваливаютъ соръ и нечистоты. Тогда никто еще не заносилъ анатомическаго ножа на разсѣченіе трупа общественнаго и частнаго, чтобъ высказывать *вслухъ*, что находится въ глубокихъ тайникахъ человѣческихъ внутренностей. — *Правосудіе* протекало въ жилахъ общества, — какъ кровь не знавшая воспаленія, — тихо, почти незамѣтно. Часто судились *домашнимъ судомъ* — *Совѣстію*. Я помню, многіе, въ приливѣ откровенности, говаривали «*Это можнобы сдѣлать. . . да, вотъ видишь: совѣстно, братецъ!* — Нѣтъ! не сдѣлаю!» — Тяжбы оканчивались чаще *миромъ*.

Въ Польшѣ были даже — я говорю о томъ времени особые *сонды* (суды), которые два *лѣтнихъ мѣсяца* употребляли на окончаніе *миромъ* давнихъ бумажныхъ ссоръ. Они, — эти *сонды*, — переѣзжали съ мѣста на мѣсто, разбирали, судили и *мирили*. — Такимъ образомъ отнимались накопы стародавнихъ дѣлъ, разрѣшались фамильныя тяжбы, — *застарѣлые завалы* въ тѣлѣ общественномъ, — и стихія жизни текла *свободнѣе*. Всѣ такія *мировыя*

сдѣлки, болѣе или менѣе, увѣнчивались *домашними пирами* въ старинныхъ, часто голоствѣнныхъ, безпаркетныхъ залахъ, древнихъ замковъ странно-рисовавшихся, — на живописныхъ холмахъ Волиніи, — съ обломками своихъ стѣнъ, съ надломанными башнями. Тамъ кипѣла мазурка и торжествовали польки. Онѣ не очень жаловались на свой мнимый полуплѣнъ замѣчая, съ лукавымъ самодовольствомъ, что наши попадались къ нимъ въ плѣнъ болѣе дѣйствительный и полный. Обѣ стороны какъ-то между собою ладили, не желая ни размѣна, ни выкупа. — Польки властвовали на балахъ и производили обширныя завоеванія въ мазуркахъ, гдѣ наши *шпорники* заодно — стучали каблуками, а *эполетные* ловко выказывали позолоченное плечо. — Мало было тогда *положительности*: жили болѣе *на авось*! Изрѣдка только мелькалъ расчетъ и скоро былъ сгоняемъ со сцѣны какимъ-то привычнымъ радушіемъ, всеобщимъ желаніемъ *пособить помощь, выручить!* . . Заглядывали и тогда въ составъ чловѣка, но не заходили далеко въ темные коридоры сердца его: не были взыскательны, не любили *требовать*,» Не требуй ничего лишняго отъ людей!» говорилъ мнѣ одинъ опытный философъ того времени: «Люди «похожи на крынки съ молокомъ. Снимешь *сверху* «ложку — будутъ сливки; углубишь ложку далѣе — «плохое молоко, а часто и голая вода! Снимай «осторожно *съ каждаго по ложкѣ*: — будешь всегда «съ сливками!» — Это сравненіе родилось можетъ быть отъ прекрасныхъ польскихъ сливокъ, которые, подъ названіемъ *сметанки*, такъ вкусно направляютъ единственную *польскую каву*. Обратимся къ дѣлу. Изъ всего сказаннаго выше убѣдились, что тогда жили какъ-то болѣе *сердцемъ*: мечтали, вѣрили любили и *влюблялись*. Въ обаятельной

стихи безопасности, съ молодостью въ жилахъ, съ романтическою нѣгою въ страстныхъ *офицерскихъ* взглядахъ, *наши*, какъ мы ужъ объ этомъ сказали выше. плясали до утренней зари, потомъ шли на разводъ, на парадъ, и дѣлали свое дѣло.— Одинъ разъ въ *редутъ* Милорадовичъ, откружась въ вальсъ, вдругъ, завидя меня въ сторонѣ, сталъ подходить *распространяя объ руки* (это было иногда его привычкою) какъ будто желая схватить. Я все болѣе отступалъ и жался назадъ, онъ подходилъ все ближе. Наконецъ, какъ говорится, онъ прижалъ меня къ стѣнѣ и сказавъ: — «Поймалъ!»—началъ зазывать къ себѣ въ адъютанты. Я рѣшительно отговаривался, благодарилъ и отпѣкивался. Это его удивило, и кажется, начинало немного сердить:» Да скажи пожалуйста, что за причина?.. почему ты нехочешь?»

Не могу сказать причины... Любопытство его возросло еще болѣе.

» Я хочу, я требую!—

Зачѣмъ мнѣ поставлять себя и Васъ въ непріятное положеніе? — Если я скажу причину, вы разгнѣваетесь. . .

«Нѣтъ! Нѣтъ!» повторялъ онъ и далъ честное слово, что не разсердится. Тогда, видя настойчивость, я сказалъ. «Ваше Превосходительство! въ полку носится молва, что вы требуете отъ своихъ адъютантовъ, чтобъ они забавляли васъ разсказами о томъ, что говорится и дѣлается въ застольныхъ и вечернихъ бесѣдахъ офицерскихъ; говорятъ, что вы любите привѣтное слово на счетъ вашъ и колкое насчетъ другихъ, особливо насчетъ N. и N.— Меня, въ короткое время, полюбилъ въ полку и признаюсь, нехотѣлось бы мнѣ сдѣлаться вдругъ челоѣкомъ передъ которымъ стануть дичиться товарищи!» — «Постой! я объясню тебѣ все дѣло!»

подхватилъ Милорадовичъ съ живостію, но съ благодушіемъ.» Тѣ, которые сами напрашивались ко мнѣ, незная чѣмъ занять меня по вечерамъ, приносили съ собою всякія дразги и дѣлали изъ себя полковую газету. Но я не требовалъ этаго отъ нихъ, никогда не потребую и отъ тебя!.. Мнѣ гораздо веселѣе когда мнѣ что нибудь хорошее читаютъ: Я люблю слушать книгу и говорить о дѣлѣ.»

Разосмѣленный такою снисходительностію, я пошелъ далѣе и прибавилъ: «Есть еще одно обстоятельство; на мнѣ лежитъ зарокъ, котораго не хотѣлось бы съ себя снять.» Тутъ рассказалъ я, вкратцѣ, о послѣдней эпохѣ моей корпусной жизни и сдѣланномъ обѣщаніи: «говорить всегда правду!»— Я ожидалъ грозы, но лице Милорадовича просіяло. «Ты еще мало меня знаешь!..» И тутъ, съ полною откровенностію, описавъ свои собственные слабости, удвоилъ онъ настояніе на счетъ адъютантства «Я самъ люблю правду, продолжалъ онъ и часто говорю ее на отръзъ!—Говори мнѣ правду въ глаза всегда, обо всемъ, обо мнѣ самомъ: Я этаго желаю — я требую этаго!»— Нельзя было долѣе отказываться и, до открытія ваканціи Шефскаго,— я назначенъ въ должность Полковаго Адъютанта. И вотъ Милорадовичъ, часто какъ могучій атлетъ, борется самъ съ собою слушая разныхъ правды изъ устъ неопытнаго мальчика!— Объ этихъ домашнихъ бореціяхъ и побѣдахъ, (иногда только полу-побѣдахъ надъ самимъ собою) нашего побѣдоноснаго въ полѣ Генерала, узнаемъ, современемъ, изъ послѣдующихъ отрывковъ.

Федоръ Глинка.

